

Эволюция политики КНР в отношении Иракского Курдистана

© 2016

Н.З. Мосаки

В статье анализируется динамика отношений Китая с Курдистанским регионом Ирака, возросшая политическая роль которого делает его влиятельным региональным фактором. Отмечается уменьшение зависимости политики Китая в Иракском (Южном) Курдистане от китайско-иракских отношений, а также влияние на нее «энергетического и экономического контекста».

Ключевые слова: Китай, Ближний и Средний Восток, Ирак, Иракский (Южный) Курдистан, генеральное консульство КНР в Эрбиле.

В последние годы наблюдается планомерное и долгосрочное проникновение КНР во многие регионы мира, в частности, на Ближний Восток¹. В этой связи представляет интерес опыт политики Китая в отношении Иракского Курдистана (официальное название — Регион Курдистан/Ирак) и в целом к курдскому вопросу, превращающемуся в одно из направлений внешней политики КНР в этом регионе. В административном центре Иракского Курдистана городе Эрбиле создано генеральное консульство, а по сути, учитывая де-факто независимый статус Южного Курдистана² — посольство. Необходимо отметить, что Южный Курдистан — часть Ирака, обладающая богатейшими природными ресурсами³, развивающейся экономикой, «политический вес которой значительно больше его размеров и численности населения»⁴. В то же время Иракский Курдистан — часть этнографического Курдистана, включающего в себя также территории компактного проживания курдов в Турции, Сирии и Иране. Множественность интересов определяет аккуратность действий Пекина в курдском вопросе.

Политика Китая в отношении Ирака и курдский фактор до 2004 г.

Интерес у КНР к региону Ближнего и Среднего Востока имеет весьма насыщенную историю. В первые годы существования КНР большинство ближневосточных стран были против проводимой Китаем политики. Бандунгская конференция 1955 г. изменила отношение арабских государств к Китаю. Этим временем датируется начало процесса установления дипломатических и торговых отношений КНР с арабскими странами⁵.

После иракской революции 1958 г. Китай открыл посольство в Багдаде. В начале 1959 г. было подписано первое соглашение о торговле и платежах между КНР и Иракской Республикой⁶. В эти годы образ Китая как развивающейся азиатской державы, противопоставляющей себя колониальной политике, был весьма популярен⁷.

Китай не был пассивным политическим игроком на азиатском субконтиненте. В 60-х—70-х гг. XX в. он активно интересовался национальным вопросом на Востоке, пытаясь использовать различные проблемные узлы в своей внешнеполитической стратегии.

Как писал известный советский курдовед М.С. Лазарев, в первой половине 1968 г. при очередном обострении курдской проблемы в Ираке, маоистский Китай заметно активизировался в этой стране, с одной стороны, натравливая арабов на курдов, а с другой — в антисоветских целях спекулируя на помощи оружием, которую предоставлял СССР Ираку⁸. В то же время, считал М.С. Лазарев, вряд ли правильно было бы представлять позицию КНР как некую «третью силу», «способную противостоять какой-либо из сверхдержав (США и СССР) в данном частном вопросе. Идеологически маоизм был весьма популярен в ряде влиятельных партий национально-освободительного толка. В частности, это можно сказать о Патриотическом союзе Курдистана (ПСК) и его лидере Джалале Талабани⁹.

С конца 1970-х годов страна стала выходить из международной изоляции, начали проводиться экономические реформы, приведшие к превращению Китая в экономического гиганта. Тем не менее, несмотря на существующие многочисленные связи со странами БСВ, реальное влияние КНР в этом регионе было таким же, как и в середине 1950-х годов¹⁰.

Политика и успехи Пекина на БСВ во многом зависели от состояния отношений той или иной страны с СССР. Антисоветская политика шахского Ирана, Египта при Садате и Саудовской Аравии обуславливала стремление КНР к тесным связям с этими странами¹¹. В конце 1960-х годов национально-освободительная борьба вызывала некоторое сочувствие в Пекине, однако охлаждение в иракско-советских отношениях, наблюдающееся со второй половины 1970-х годов, стало импульсом для развития китайско-иракского сотрудничества¹², что исключало интерес к курдам. Китай начал активно сотрудничать с саддамовским Ираком, получая большие подряды¹³. В 1979–1990 гг. китайские компании выполнили в Ираке работы на общую сумму в 2 млрд долл. США. При этом Китай воспользовался и ирано-иракской войной 1980–1988 гг. — обе страны стали основными покупателями китайского оружия¹⁴, доходы от экспорта которого явились важным подспорьем в процессе модернизации производства вооружений в КНР.

1980-е годы ознаменовались сугубо прагматической, ориентированной на экономику политикой Китая на БСВ¹⁵, заполнявшей лакуны, образовавшиеся в связи с крушением биполярной системы. Сотрудничество в Совете Безопасности ООН с США в разрешении международного кризиса, возникшего после вторжения Ирака в Кувейт, позволило КНР «реабилитировать свой образ на международной арене»¹⁶ и выйти из международной изоляции, в которой страна оказалась после событий на площади Тяньаньмэнь. Вскоре с КНР были сняты и экономические санкции. Китай осудил агрессию Ирака, однако призывал к мирному урегулированию проблемы¹⁷.

После введения в отношении Ирака эмбарго китайские компании перестали работать в этой стране, вернувшись к сотрудничеству с ним лишь в 1996 г. в связи с введением программы «Нефть в обмен на продовольствие». Товарооборот Ирака с Китаем в 1990–1996 гг. находился на минимальном уровне (0–5 млн долл. в разные годы), став резко расти в 1997–2002 гг. после начала действия указанной программы, пережив падение в 2003–2004 гг., после чего опять стал увеличиваться¹⁸. Вместе с тем, иракская нефть не играла определяющей роли в нефтяном импорте Китая. Во время подготовки США к военной операции против Ирака в 2002–2003 гг. Китай, являясь одним из важных партнеров саддамовского Ирака, не поддержал американскую военную кампанию, однако занял менее категоричную позицию, чем, например, Россия.

После свержения баасистского режима и создания в Ираке новых властных структур, курды стали играть одну из важнейших ролей на общеиракской политической

сцене. Произошла институционализация курдов и Курдистана в постсаддамовском Ираке. В это время начались контакты курдов с представителями КНР

В начале августа 2003 г. Китай посетил глава ПСК и член Временного управляющего совета Ирака Джалал Талабани. Этот визит носил неофициальный характер, поскольку Талабани побывал в Китае по приглашению одной из негосударственных организаций. Примечательно, что это была вторая поездка Талабани в Китай. Впервые нынешний глава ПСК, бывший в 1960–1970-х гг. идейным последователем Мао, приезжал в Китай еще в 1955 г.

В 2003–2004 гг. дважды с визитом в Китае побывал министр иностранных дел Ирака Хошияр Зибари, представлявший в правительстве Демократическую партию Курдистана (ДПК). Речь о курдах во время переговоров Х. Зибари в КНР не шла. Глава МИД Ирака высоко оценивал «традиционно дружеские отношения» между Китаем и Ираком и «справедливый подход Китая по отношению к Ираку»¹⁹, обещал содействовать китайскому бизнесу²⁰.

Во время визитов Талабани и Зибари упор делался на иракской политической идентичности представителей курдов в правительстве Ирака, однако вся политическая деятельность Дж. Талабани и Х. Зибари была связана с руководством освободительного движения иракских курдов. Они в Ираке всегда рассматривались именно как представители курдов. В этой связи можно говорить об установлении определенных связей между курдами и КНР. Стоит отметить, что курды, получившие портфели в правительстве Ирака, понимая природу китайской позиции, предпочитали фокусироваться на экономических выгодах сегодняшнего дня, не оглядываясь на военно-политические обстоятельства периода «дружественных» ирако-китайских отношений, которые, в частности, выражались в поставках китайского оружия в Ирак, использованного против курдов.

В поисках инвестиций власти Южного Курдистана сразу после свержения Садада Хусейна, еще не являясь конвенциональными игроками на международной арене, обращали свои взгляды и в сторону Тайваня. Так, 8–11 августа 2004 г. по приглашению его внешнеполитического ведомства Тайвань посетил премьер-министр Регионального правительства Курдистана в Эрбиле Нечирван Барзани с целью установления сотрудничества для восстановления экономики Курдистана. Предполагалось, что курды, имеющие значительные средства для восстановления своей экономики, но не обладающие техническими возможностями и знаниями, получают их от Тайваня²¹. Однако этот визит так и не получил развития и не перерос в какие-либо взаимоотношения между Курдистаном и Тайванем, тем более что в Курдистане высказывались мнения о необходимости проявлять осторожность во взаимоотношениях с Тайванем, чтобы не вызвать негативную реакцию КНР²².

Между тем Тайвань рассматривался в Курдистане²³ и высокопоставленными американскими дипломатами в качестве модели для Иракского Курдистана. Имелось в виду, что при формальном отсутствии независимости международное сообщество де-факто признавало бы его независимый статус, имея с ним ограниченные дипломатические и полноценные экономические отношения²⁴.

Отсутствие реакции Пекина в ответ на «пренебрежение коренными интересами КНР»²⁵ со стороны курдистанских властей объяснялось не только их несформировавшимся институциональным статусом, но, в первую очередь, слабой вовлеченностью в экономику Курдистана китайского капитала. Китай стал важным торговым партнером Ирака — в 2002–2012 гг. торговый оборот двух стран вырос с 0,5 до 17,5 млрд долл. Он стал вторым по важности экспортным рынком Ирака (после США) и 2-м экспортером в Ирак (после Турции)²⁶. К концу 2015 г. на иракском рынке работало более 150 китайских фирм — в основном в электроэнергетике, нефтяной отрасли, жилищном строительстве, развитии инфраструктуры, коммунальном хозяйстве. Выстраивая долгосрочные отношения со странами БСВ, Китай заинтересован в политической стабильности в регионе, хотя

подходит дифференцированно к решению разнообразных региональных проблем с учетом своих стратегических интересов.

Отмечая важное значение энергетического аспекта, необходимо учесть, что сотрудничество Китая с арабскими странами в последние годы расширяется и за счет других областей, реализуется ряд крупных инициатив, позволивших Китаю форсировать продвижение своей стратегии, осуществляемой в рамках Форума по сотрудничеству с арабскими странами, ставшего опорой политики КНР на Ближнем Востоке²⁷.

Экономическая активность Пекина — важный фактор в этом регионе, и это способствует росту интереса к Китаю со стороны стран Ближнего и Среднего Востока. Привлекательность для них Китая связана и с чисто «идеологическими»²⁸ причинами и распространенным мнением о необязательности для экономического развития структурных властных реформ, включающих процесс демократизации. В этом отношении Китай становится для элит БСВ альтернативой «американской» модели²⁹.

Китайская модель обсуждается и лидерами и интеллектуалами Иракского (Южного) Курдистана³⁰. Она характеризуется множественностью факторов, связанных как с китайской спецификой, так и с категориями, присущими в большей степени западному типу, ее стержнем является «тандем твердой авторитарной власти и рыночной экономики». Однако очевидно, что китайская модель, основанная, в частности, на высокой норме сбережений, высокой трудоспособности граждан, высокой добавленной стоимости, неприменима к Южному Курдистану, поскольку власти Курдистана взяли курс на модель «лилипутных шейхств», когда местное население занято лишь в госуправлении и составляет бюрократическую прослойку при значительном импорте рабочей силы. Хотя китайская модель показала свою эффективность в решении главной для развивающихся стран проблемы — борьбы с бедностью³¹, однако в Иракском Курдистане этой проблемы не существует. Таким образом, в китайской модели власти Южного Курдистана может привлекать лишь отсутствие процесса демократизации.

Китай и Иракский Курдистан

Курдистанско-китайские отношения стали налаживаться непосредственно с 2005 г. В апреле 2005 г. курдистанская делегация вела переговоры с большой группой китайских предпринимателей в Дубае, где широко представлен китайский бизнес. Китайским предпринимателям предлагалось создать в Эрбиле торговый центр³². Вскоре представители КНР начали осторожно налаживать отношения с курдскими организациями. 15 мая 2005 г. глава ДПК Масуд Барзани (через месяц был избран президентом Курдистана) встретился с послом и торговым представителем Китая в Ираке. Китайские дипломаты заявили о желании установить тесные связи с Региональным правительством Курдистана (РегПК) и особенно с ДПК и передали приглашение посетить Китай. Курдский лидер выразил надежду на участие Китая в восстановлении Курдистана³³.

Одной из главных причин интереса КНР к Южному Курдистану являются нефтяные месторождения. Высказывалось мнение, что курдистанская нефть может стать заменой иракской нефти для Китая, который получил в 1990-х годах от Саддама Хусейна месторождения для разработки, однако потерял право на добычу иракской нефти после свержения баасистского режима³⁴. Впоследствии Китай восстановил утраченные на нефтяном рынке Ирака позиции. Китайские нефтекомпании сконцентрированы в основном на южноиракских месторождениях³⁵, в то время как в курдистанском регионе подряды получали преимущественно западные фирмы, ухудшая свои отношения с Багдадом. Несмотря на то, что Китай желает участвовать в разработке южнокурдистанских месторождений лишь с разрешения центральных властей Ирака, и не предпринимает самостоятельных попыток по добыче нефти в Курдистане, в последнее время китайские нефтя-

ные компании начали приобретать работающие в этом районе фирмы, сумевшие легализовать определенные проекты.

Китай стал покупать почти половину иракской нефти — 1,5 млн баррелей в сутки, становясь основным бенефициаром постсаддамовского бума в Ираке³⁶. Успех китайских компаний во многом обусловлен тем, что они, в отличие от западных нефтяных фирм, сконцентрированы не столько на получении прибыли от добычи иракской нефти, сколько на обеспечении китайской экономики углеводородами. В то же время китайские компании с самого начала добычи нефти на месторождениях в Курдистане выполняли в рамках подписанных местными властями соглашений различные сервисные работы. В Курдистане, а также на месторождениях в других частях Ирака работает крупнейшая китайская сервисная компания DQE³⁷. Однако основная часть китайских граждан в Ираке работает в южных провинциях страны (около 8 тыс. человек), по 1 тысяче китайцев находятся в Багдаде и Курдистане³⁸. На юге страны китайцы заняты в основном на нефтяных месторождениях и связанных с этими месторождениями предприятиях, в Багдаде — в основном в торговле и строительстве, в Курдистане — во вспомогательной деятельности для нефтегазовых компаний, в торговле и строительстве.

В 2009 г. компания Sinopec приобрела международную фирму Addax Petroleum, создав с турецкой Genel Energy совместную компанию по добыче нефти на месторождении Так-Так. Добыча нефти на том месторождении составляет с 2013 г. свыше 150 тыс. баррелей в день, нефть экспортируется через нефтепровод Киркук — Джейхан³⁹ (Турция). Во время одной из встреч с президентом Курдистана Масудом Барзани китайский посол подтвердил приглашение ему посетить с официальным визитом Китай⁴⁰. Визит президента Курдистана в КНР был запланирован на середину мая 2006 г.

Однако Масуд Барзани отказался ехать в Китай, поскольку вместо первоначально планировавшейся встречи с председателем КНР ему было предложено встретиться лишь с членами Политбюро ЦК КПК, то есть перевести встречи на партийный уровень.

Резкое и неожиданное понижение статуса визита было с недоумением воспринято президентом Курдистана, которого уже тогда принимали на самом высоком уровне лидеры ведущих стран Запада. Масуд Барзани в отношениях с Китаем, как и с другими державами, всегда действовал в качестве не иракского, а курдистанского представителя, что вынуждало китайскую дипломатию, опасаящуюся недовольства Багдада, быть более осторожной. Руководству Южного Курдистана стало ясно, что Китай предполагает, с одной стороны, иметь отношения с курдами, с другой — оставлять себе поле для маневра, официально ведя переговоры с ними сугубо как с представителями Ирака, имея возможность в любой момент отказаться от сотрудничества. Президент Курдистана считал, что в подобных отношениях с КНР Курдистан не нуждается. Безусловно, несостоявшийся визит президента Курдистана в Китай поставил на время под вопрос дальнейшее развитие южнокурдистанско-китайских связей.

Хотя встречи китайского посла в Ираке с курдистанскими властями продолжались, динамика установления отношений с Китаем и восприятие КНР в Курдистане уже изменились. Несмотря на то, что для властей Южного Курдистана Китай представляет собой супердержаву глобального порядка, этот случай в какой-то степени повлиял на мнение руководства Курдистана о наличии сдерживающих факторов в политике КНР в отношении курдов.

В конце августа 2007 г. премьер-министр Курдистана Нечирван Барзани принял китайскую делегацию во главе с послом КНР в Ираке и выразил желание укрепить отношения с Китаем, особенно в экономической области и в деле подготовки кадров, а китайская делегация выразила готовность оказать поддержку Курдистану в сфере образования.

8 октября 2008 г. член Политбюро ДПК М.А. Ахмед был принят в Пекине членом политбюро ЦК КПК Ван Ганом. При этом китайская сторона, как и прежде, особо

отмечала, что контакты с ДПК проходят в рамках сотрудничества с иракскими партиями, и речь на переговорах шла именно о китайско-иракских отношениях⁴¹.

Посол Китая в Ираке совершил поездку Курдистан в середине ноября 2008 г., в ходе которой особо отмечал, что целью его визита является расширение связей в области экономики с Курдистаном как частью Ирака, и что Китай намерен открыть в Эрбиле генеральное консульство.

В свою очередь посол Ирака в Китае М.С. Исмаил (свояк Дж. Талабани и высокопоставленный член ПСК) в интервью информационному агентству ПСК *Pukmedia* заявлял, что для Китая в первую очередь значение имеет Ирак, а в рамках Ирака Китай в соответствии со своим видением поддерживает курдов и Регион Курдистан. Он отмечал, что после «успешного визита Джалала Талабани в Китай» в 2007 г. «во внешней политике Китая по отношению к Ираку и Региону Курдистан произошли основополагающие изменения». Однако посол имел в виду готовность китайских компаний осуществлять различные экономические проекты⁴².

Фактически он сводил изменение внешней политики КНР по отношению к курдам к работе китайских компаний в Курдистане. Однако китайские компании начали работать в Курдистане с 2003 г. и делают это вне зависимости от наличия или отсутствия официальных отношений Китая с Южным Курдистаном. В Курдистане же не является проблемой возможность импортировать товары и реализовывать проекты, финансирующиеся из курдистанского бюджета, чем собственно и занимаются китайские компании. Остро стоит проблема реальных долгосрочных инвестиций, предусматривающих создание новых отраслей, в частности, для производства экспортной продукции. Однако курдистанские власти, понимая нереальность производственных инвестиций в этот регион, предлагали китайским предпринимателям использовать Курдистан в качестве «ворот на иракский рынок»⁴³.

К концу первого десятилетия XXI в. курдистанская администрация, имевшая к тому времени прямые отношения с ведущими западными и региональными державами, с безразличием относилась к отсутствию аналогичных связей с КНР. В то же время, понимая огромные возможности, которые сулит нефтеносный Курдистан, китайская сторона шаг за шагом внедрялась в этот регион. Относительная активизация политики КНР по установлению прямых контактов с курдами, стремление создать в Курдистане постоянную дипломатическую миссию стали наблюдаться после 2011 г. Это было обусловлено дальнейшим усилением самостоятельности Курдистана и ослаблением центральной власти в Ираке.

В 2013 г. посол КНР в Ираке Ни Цзянь неоднократно посещал Курдистан, где проводил встречи с руководством этого региона и бизнес-кругами⁴⁴, объявив о желании Китая открыть в Курдистане генеральное консульство и выделить места для курдских студентов в китайских университетах⁴⁵. 31 декабря 2013 г. правительство Ирака одобрило заявку КНР на открытие генерального консульства в Эрбиле⁴⁶.

В следующем году встречи между сторонами продолжились, проводились межпартийные консультации⁴⁷.

18 сентября 2014 г. Эрбиль посетил представитель МИД Китая Тан Банлин, который провел встречи с премьер-министром и президентом Региона Курдистан Нечирваном Барзани⁴⁸, заявив, что КНР планирует в течение предстоящих двух месяцев открыть в Эрбиле генеральное консульство, а он станет первым генконсулом. Китайский дипломат заявил, что этот шаг — начало официальных и прямых отношений между Китаем и Курдистаном и выразил надежду, что отношения между двумя сторонами будут активно развиваться, имеют значительную перспективу, и Китай готов оказать Курдистану гуманитарную помощь⁴⁹. Он отметил, что открытием генконсульства между Курдистаном и Китаем будет создан мост и китайские компании станут активнее действовать в Курдистане, участвуя в процессе строительства и развития этого региона. В свою очередь

Н. Барзани подчеркнул, что открытие дипломатического представительства Китая является большой поддержкой Курдистана, и его правительство окажет всю возможную поддержку в этом вопросе. На встрече обсуждалась также возможная поддержка Китая Курдистану в борьбе против террористов ИГИЛ⁵⁰.

Для усиления своих позиций в Курдистане КНР направила 9 декабря 2014 г. в Эрбиль два самолета с гуманитарной помощью стоимостью 30 млн юаней, которая была передана вице-губернатору провинции Эрбиль Тахиру Осману для беженцев, пострадавших от ИГИЛ. По словам генконсула Тан Банлина, эта помощь стала частью поддержки Китая антитеррористических усилий Ирака, включая Иракский Курдистан⁵¹. Тогда же губернатор провинции Эрбиль Наузад Хади через агенство Синьхуа обратился к китайским компаниям с призывом активизировать деятельность в столице Иракского Курдистана, которая могла бы стать для них воротами на иракский рынок⁵².

Еще раз Тан Банлин посетил Курдистан в конце декабря 2014 г. в составе китайской делегации, возглавляемой заместителем министра иностранных дел КНР Чжан Мином. Представители делегации на встрече с Н. Барзани заявили, что посещение Курдистана в столь тяжелое для курдов время обусловлено желанием выразить солидарность и поддержку Китая Курдистану и Пекин желает увеличить объем экономических и культурных связей с ним.

30 декабря 2014 г. состоялась церемония открытия генконсульства Китая, на которой присутствовали замглавы МИД Китая Чжан Мин, посол Китая в Ираке, генконсулы других стран. На церемонии открытия выступил премьер-министр Курдистана Н. Барзани, заявивший, что открытие в Курдистане генконсульства Китая, имеющего давние связи с Ираком, первый важный шаг в установлении официальных отношений между Курдистаном и Китаем и начало нового периода в этих отношениях. Н. Барзани особо отметил, что открытие диппредставительства Китая в Эрбиле подтверждает международное значение Курдистана⁵³.

Китай стал пятым постоянным членом Совета Безопасности ООН, открывшим диппредставительство в Курдистане (ранее это сделали Россия, Франция, Великобритания и США).

Генеральный консул Китая регулярно проводит встречи с высшим руководством Курдистана — президентом региона, премьер-министром, спикером парламента⁵⁴, посещает различные города региона. Китайское консульство проводит в Эрбиле различные мероприятия, в которых принимают участие самые высокие курдистанские представители. 30 сентября 2015 г. в празднике, посвященном образованию КНР (1 октября) участвовал президент Курдистана Масуд Барзани⁵⁵.

Генконсульство КНР в Эрбиле планирует развернуть широкую культурную деятельность. Так, генконсул Тан Банлин обращался в Министерство высшего образования Курдистана с просьбой ввести в регионе изучение китайского языка⁵⁶.

Очевидно, что основным направлением деятельности генерального консульства КНР в Эрбиле является продвижение экономических интересов и культурного влияния Китая в Иракском Курдистане. Пока главным экономическим игроком в Иракском Курдистане является Турция. Основная доля импорта Иракского Курдистана приходится на турецкие товары. Турецкие фирмы получают большую часть строительных подрядов в Курдистане, турецкие банки активно действуют в его банковском секторе. В восточной части Иракского Курдистана значительную роль в местной экономике играет Иран. Китайские фирмы, пытающиеся проникнуть в этот регион, сталкиваются с серьезной конкуренцией турецких и иранских компаний, блестяще знакомых с местными реалиями, тем более что существенную часть предпринимателей из Турции и Ирана составляют тамошные курды.

Пытаясь самостоятельно (в обход правительства Ирака) выйти на мировой рынок власти Иракского Курдистана реализовывали нефть, загружаемую в танкеры в турец-

ком порту Джейхан, через различные компании в том числе в Китай. В связи с нежеланием покупателей противодействовать позиции Багдада нефть реализовывалась практически нелегально, ее цена была существенно ниже, чем на мировом рынке. В сентябре 2014 г. около 3 млн баррелей курдистанской нефти было отправлено в КНР⁵⁷. Китай стал приобретать ее через различные компании, не вступая в прямые взаимоотношения по вопросу приобретения нефти с курдистанской администрацией.

При анализе внешней политики Китая по отношению к Ближнему и Среднему Востоку, и в особенности к Ираку, необходимо учитывать, что главным для КНР является отказ от поддержки сепаратизма, уважение территориальной целостности и суверенитета существующих государств, невмешательство во внутренние дела. Этой позиции Китай придерживается и в курдском вопросе. Китай традиционно считает, что права курдов в пределах автономий должны быть защищены в рамках существующих государств. Приверженность территориальной целостности обусловила и негативную позицию Китая по отношению к многочисленным турецким вторжениям в Ирак в середине 1990-х годов и желанию Турции создать на турецко-иракской границе «зоны безопасности» против рабочей партии Курдистана⁵⁸. Но по мере формирования крупных конфликтных узлов и укоренения Пекина в регионе Ближнего Востока и Северной Африки позиция КНР по принципам невмешательства во внутренние дела претерпевает некоторые изменения, ее политика становится более гибкой и активной, что показали события в Судане и Ливии⁵⁹. Дальнейшая суверенизация Иракского Курдистана вряд ли вызовет опасения в Пекине, для которого Ирак является стратегическим экономическим партнером. Южнокурдистанские власти, в отличие от центральных властей Ирака, обеспечили на административно подчиненной им территории высокий уровень безопасности и стремительно увеличивают поставки нефти на мировой рынок. 6 января 2016 г. президент Курдистана Масуд Барзани провел встречу с руководителями 36 зарубежных дипмиссий в Эрбиле, в числе которых был и представитель КНР, объявив о намерении провести в 2016 г. в Курдистане референдум по вопросу о независимости⁶⁰.

Курдская проблема в китайско-турецких отношениях

Укрепление позиций КНР в Иракском Курдистане рассматривается Пекином и с точки зрения потенциального воздействия на курдистанские ареалы соседних стран. Так, в одной из заметок на сайте «Жэньминь жибао» отмечалось, что после Первой мировой войны французы и британцы провели границы на Ближнем и Среднем Востоке по воображаемым линиям на карте, «оставив 20 млн курдов без государства и создав нестабильные мультикультурные государства»⁶¹. То есть речь идет о восприятии курдского вопроса как потенциально единой проблемы и о перманентной нестабильности государств, имеющих в составе территории этногеографического Курдистана. В КНР не могут не понимать, что ситуация в различных частях общекурдистанского региона стремительно меняется. Так, сирийские курды, на протяжении долгого времени лишенные самых элементарных национальных прав, в 2011 г. создали самоуправляемые районы (кантоны), успешно противостояли так называемому Исламскому государству и вряд ли вернутся под контроль Дамаска в прежнем виде.

Интерес Китая к Иракскому Курдистану обусловлен в том числе и взаимоотношениями с Турцией. КНР предполагает иметь возможность использования курдов в качестве козыря против Турции, если последняя будет поддерживать уйгурский сепаратизм, тем более, что для нынешних властей этой страны характерен некоторый авантюризм. КНР с середины 1990-х годов оказывала на Турцию нажим с целью препятствовать активности уйгурских националистов и организаций, которых приравнивала к «курдским сепаратам»⁶². Хотя уйгурские организации не получают официальной помощи от турецких властей, они пользуются поддержкой в турецком обществе и среди высокопоставленных офи-

циальных лиц. Не только маргинальные пантюркисты, но и часть турецкой элиты, говоря о тюркском мире, обозначают его протяженностью от Балкан до Синьцзяна.

Турецкие власти регулярно заверяют китайскую сторону, что не поддерживают уйгурские организации, прибегающие к насилию. В конце июня 2009 г. состоялся шестидневный визит президента Турции Абдуллы Гюля в Китай, во время которого стороны заявляли о новой странице в двусторонних отношениях. Председатель КНР Ху Цзинтао полагал, что тесное многоплановое сотрудничество между Турцией и Китаем должно быть направлено против «трех зол» — терроризма, сепаратизма и экстремизма⁶³. Китайская сторона благодарил Турцию за политику «одного Китая» и поддержку по тайваньскому, тибетскому и восточно-туркестанскому (уйгурскому) вопросам. Во время своего визита в Китай А. Гюль посетил административный центр Синьцзян-Уйгурского автономного округа — Урумчи. Он стал первым президентом Турции, побывавшим в этом районе. В Синьцзянском университете, где он выступил с речью, ему была присуждена степень почетного доктора. Естественно, все это оказалось возможным из-за отсутствия у китайских властей подозрений в отношении Турции по уйгурской проблеме. По прибытии в Турцию Гюль, очень удовлетворенный состоявшимся визитом, особо отмечал свою поездку в Урумчи, переживающую, по его словам, строительный бум и стремительное развитие инфраструктуры. Он называл уйгуров мостом для дружбы и сотрудничества между Турцией и Китаем.

Некоторые жесткие заявления турецких лидеров во время волнений летом 2009 г. в Синьцзян-Уйгурском автономном округе, в том числе премьер-министра Р.-Т. Эрдогана, который назвал действия китайских властей «геноцидом» уйгуров, не меняют реальной позиции Анкары. Эти заявления были вызваны, в первую очередь, внутривнутриполитической обстановкой, поскольку значительная часть населения Турции, одобрявшая антиизраильскую позицию Эрдогана во время конфликта в Палестине в январе 2009 г., требовала выражения позиции правительства страны и в отношении Китая. Однако дальнейшие заявления турецкая сторона не пошла. Китай, понимая это обстоятельство, не ввязывался в спор с Турцией, считая, что вскоре Анкара «успокоится». Если бы действия Турции угрожали безопасности КНР, позиция Пекина была бы весьма жесткой. Когда Эрдоган заявил 8 июля 2009 г. о желании поставить уйгурскую проблему на рассмотрение Совета Безопасности ООН, МИД КНР отверг ее, а Анкара так и не стала пытаться делать это, понимая нереальность подобных инициатив. Внутривнутриполитический и популистский характер заявлений Эрдогана подтверждает также то обстоятельство, что спустя несколько дней в беседе со своим китайским коллегой министр иностранных дел Турции Ахмет Давутоглу не повторял слова премьер-министра Турции, а подчеркивал важность китайско-турецких отношений. Он заявлял об уважении Турцией суверенитета и территориальной целостности Китая и невмешательстве в его внутренние дела, недопущении использования турецкой территории для деятельности, нарушающей суверенитет и территориальную целостность Китая⁶⁴. Вскоре прекратилась и антикитайская истерия в турецких СМИ. А в конце августа 2009 г. Китай посетил министр внешней торговли Турции Зафер Чаглаян, который пытался устранить возникшие в результате «инцидентов в Урумчи» проблемы в двусторонних отношениях.

Однако отношения между двумя сторонами все же были несколько испорчены. Заявления турецких властей, в которых они осуждали действия Китая и обвиняли его в «геноциде», призывы к бойкоту китайских товаров и антикитайские демонстрации турецкого населения, возбуждаемого правительством страны, не могли остаться незамеченными в КНР. Хотя официальные представители Китая старались не комментировать заявления Анкары, делая это лишь при необходимости (например, реагируя на слова Эрдогана о желании поставить уйгурский вопрос в СБ ООН), в КНР все чаще стали раздаваться заявления, в которых осуждалась Турция. Китайские СМИ заявляли о пантюркистском экспансионизме Турции, а политологи и эксперты, в том числе работающие в учрежде-

ниях, близких к внешнеполитическому ведомству страны, об ухудшении двусторонних отношений. Они обращали внимание на наличие в самой Турции большой национальной проблемы — курдской, считая, что Анкаре следует проявлять особую осторожность⁶⁵. Государственное информационное агентство Синьхуа цитировало депутатов Европарламента, в своих комментариях по заявлению Эрдогана обращавших внимание турецких властей на положение курдов в Турции⁶⁶.

Антитурецкие настроения стали проявляться среди населения КНР. Часть китайцев требовала «наказать» Турцию, изменить позицию по отношению к ведущей с 1980-х годов борьбу с турецкими властями Рабочей партии Курдистана и поддержать ее «стремление к независимости»⁶⁷. Многие китайцы требовали принятия жестких мер по отношению к Анкаре. Примечательно, что еще в 2007 г. во время визита в Китай президента Ирака Дж. Талабани официальный представитель МИД КНР не стал отвечать на вопрос, является ли ПРК террористической организацией, выступив при этом против турецких вторжений на территорию Ирака (Иракского Курдистана) под предлогом борьбы с РПК⁶⁸.

8–11 апреля 2012 г. с официальным визитом в КНР побывал Р.-Т. Эрдоган, став первым главой правительства Турции за предыдущие 27 лет, побывавшим в Китае. Он посетил Урумчи, и Пекин после напряженности в китайско-турецких отношениях летом 2009 г., вызванной критикой Эрдогана в адрес Китая, позволил Турции расширить взаимодействие с СУАР, превращая уйгурский фактор в элемент сотрудничества между двумя странами⁶⁹. КНР позволяла Турции устанавливать культурные и религиозные отношения с СУАР⁷⁰. В 2012 г. наблюдалось значительное улучшение турецко-китайских отношений⁷¹.

Китай с трехдневным визитом посетил в конце июля 2015 г. в качестве президента Турции Р.-Т. Эрдоган. В ходе переговоров с китайскими лидерами обсуждался и так называемый уйгурский вопрос. Китайские власти указывали Эрдогану на недопустимость деятельности сотрудников МИД Турции и турецких посольств по выдаче виз и паспортов китайским уйгурам, планирующим присоединиться к «Исламскому государству» и фактически поддержки терроризма⁷². Правда, Эрдоган в интервью Синьхуа осудил «террористическую деятельность» «Исламского движения Восточного Туркестана»⁷³. Вместе с тем, МИД Турции время от времени выступал в поддержку прав уйгуров⁷⁴.

В то же время Турция пыталась использовать укрепление связей с КНР для торга с Соединенными Штатами, предоставляя Китаю контракты даже в военно-технической сфере. Турция поддерживала также экономические и культурные связи с Тайванем, избегая, правда, политических связей с ним. Более того, Тайвань рассматривается ею в качестве одного из важнейших путей выхода и на китайский рынок⁷⁵.

И Китай, и Турция прекрасно понимают, что теоретически могут использовать национальные проблемы друг друга. При этом основным фактором, сдерживающим активность Турции, является наличие курдской проблемы в этой стране⁷⁶. Турция находится в несравнимо более уязвимом положении, учитывая численность в ней курдского населения, размах курдского движения, наличие тыла у курдских военно-политических сил на территории сопредельных государств, а также мощь и влияние Китая.

Действия Турции на международной арене вряд ли будут носить характер вмешательства во внутренние дела Китая. Пекин же будет стараться не ввязываться в трения с Анкарой, желая в первую очередь снизить накал проблемы. Лишь в случае осуществления реальной деятельности по поддержке уйгурских организаций, угрожающих безопасности Китая, КНР может всерьез заняться курдской проблемой в Турции.

* * *

Новая ситуация в Ираке и формирование полунезависимого Курдистана стали привлекать внимание новой глобальной силы — Китая, который постепенно становится важным фактором в этом регионе. А властями Южного Курдистана оно рассматривается как начало формирования «курдистанской политики» КНР. Курдистанско-китайские от-

ношения в середине первого десятилетия XXI в., не получив развития, формально оставались частью китайско-иракских отношений. Однако с начала второго десятилетия XXI в. Пекин, понимая, что сложившиеся стратегические отношения с Ираком не распространяются на Южный Курдистан, стал устанавливать более тесные отношения с курдами, открыв в Эрбиле генеральное консульство и все чаще заявляя о дружбе и сотрудничестве с ними. Китайско-курдистанские отношения развиваются параллельно с усилением фактической независимости курдов во всех сферах от Ирака и соответствуют общей логике развития политической ситуации в этой стране. Установление прочных позиций в Регионе Курдистан диверсифицирует стратегические интересы КНР в Ираке, укрепляя ее статус в регионе в целом, и рассматривается Пекином как фактор потенциального воздействия на курдистанские ареалы соседних стран, что в целом соответствует концепции «формирующейся китайской стратегии» в странах Ближнего Востока, направленной «на повышение глобального статуса КНР»⁷⁷ и усиления ее влияния в странах, входящих «в орбиту китайской стратегии по возрождению Шелкового пути»⁷⁸. В этой связи геостратегическое положение Южного Курдистана, имеющего сеть «нефтепроводов, пересекающих эту зону, что создает благоприятные условия для быстрой доставки углеводородов по морским и сухопутным путям на рынки Европы и Азии»⁷⁹, будет и впредь определять тенденцию в политике Китая, направленную на усиление его экономической и политической роли в этом регионе. В этом весьма заинтересованы южнокурдистанские власти, которые рассматривают присутствие еще одного геополитического игрока (наряду с США) не только как фактор институционализации своего полунезависимого статуса, но и в качестве стабилизирующего элемента региональной безопасности.

Таким образом, внешняя политика КНР по отношению к курдам соответствует сегодняшней модели китайской дипломатии, отличающейся множеством нюансов и по-настоящему дифференцированной⁸⁰.

1. Следует отметить, что имеющиеся публикации по дипломатии КНР на ближне- и средневосточном направлениях, во-первых, немногочисленны, а во-вторых, заметна недостаточность исследований, сосредоточенных на специальных темах в китайско-ближневосточных отношениях. См.: *Портяков В.Я.* Основные направления и особенности изучения международных отношений и внешней политики КНР в России в период 2000–2013 гг. // *Проблемы Дальнего Востока.* 2013. № 5. С. 107.
2. Китайская пресса регулярно подчеркивает подобный статус Иракского Курдистана. См., например, «Синьхуа», опубликованное в «Жэньминь жибао»: *Iraqi gov't reaches deal with Kurds over budget dispute* // URL: <http://en.people.cn/n/2014/1202/c90777-8817153.html>. 2 Dec.; [Иракский] Курдистан даже в официальной китайской прессе, наряду с Азербайджаном и с Арменией, был назван «азиатской страной»: *European governments urged to increase higher education funding.* URL: <http://en.people.cn/90001/90777/90853/7367183.html>. 2011. 3 May.
3. О нефтегазовых ресурсах Иракского Курдистана см.: *Мосаки Н.З.* Ресурсы и политика. Ч. 1. — М.: Ин-т востоковедения РАН; Ин-т Ближнего Востока, 2005. С. 180–198.
4. *Лазарев М.С.* Иракский Курдистан — прообраз курдского государства? // *Азия и Африка сегодня.* 2007. № 4. С. 46.
5. *Wheeler G.* Soviet and Chinese Policies in the Middle East // *The World Today.* 1966. Vol. 22, No. 2. P. 73–74.
6. В Багдаде подписано первое соглашение о торговле и платежах между КНР и Иракской Республикой // *Правда.* 1959, 6 янв. С. 6.
7. *Wheeler G.* Op. cit. P. 73–74.
8. *Лазарев М.С.* О курдском вопросе на современном этапе (до 1970 г.) // *Национальный вопрос в странах Востока: Спец. бюл. / Ин-т востоковедения АН СССР; Отв. ред. Ким Г.Ф., Лазарев М.С., Симония Н.А. М., 1972. № 4. С. 140.*

9. Политическую биографию Дж.Талабани, являвшегося в 2005–2014 гг. Президентом Ирака см.: *Мосаки Н.З.* Курдский Макиавелли // *Азия и Африка сегодня*. 2002. № 1. С. 48–51.
10. *Shichor Y.* The Middle East in China's Foreign Policy, 1949–1977. Cambridge: University Press, 1979. P. 6.
11. *Shichor Y.* In Search of Alternatives: China's Middle East Policy After Sadat // *The Australian Journal of Chinese Affairs*. 1982. No. 8. P. 101–110.
12. *Harris L.C.* China's Response to Perceived Soviet Gains in the Middle East // *Asian Survey*. 1980. Vol. 20, No. 4. P. 364.
13. *Calabrese J.* From Flyswatters to Silkworms: The Evolution of China's Role in West Asia // *Asian Survey*. 1990. Vol. 30, No. 9. P. 869.
14. *Hickey D. Van Vranken.* New Directions in China's Arms for Export Policy: An Analysis of China's Military Ties with Iran // *Asian Affairs*. 1990. Vol. 17, No. 1. P. 24.
15. *Calabrese J.* China's Changing Relations With the Middle East. New York: Pinter Publishers, 1991.
16. *Базанова Е.А.* Позиция Китая в отношениях кувейтского кризиса (1990–1991) // *Вестн. Рос. Ун-та дружбы народов. Сер. Всеобщая история*. 2010. № 4. С. 70–71.
17. *Shichor Y.* China and the Role of the United Nations in the Middle East: Revised Policy // *Asian Survey*. 1991. Vol. 31, No. 3. P. 269.
18. *Yetiv S. A, Lu Ch.* China, Global Energy, and the Middle East // *Middle East Journal*. 2007. Vol. 61, No. 2. P. 208.
19. Hoshiyar Zebari in China. Premier Calls for Greater UN Role in Iraq // *Xinhua News Agency*. 2004. 25 Dec.
20. Там же.
21. *Chen M.* Kurdish leader visits Taiwan for talks on mutual cooperation // *Taipei Times*. 2004. 10 Aug. P. 3. URL: <http://www.taipetimes.com/News/taiwan/archives/2004/08/10/2003198159>.
22. *Fang Tien-sze.* Kurd relations require deft touch — Nechervan Idris Barzani. URL: <http://ekurd.net/mismas/articles/misc/visittaiwan.htm>. 2004. 28 Aug.; *Barzani N.* Taiwan as a Model for the Kurdistan Region. URL: www.rudaw.net. 2013. 14 Jan.
23. См., например: *Barzani N.* Taiwan as a Model for the Kurdistan Region. URL: www.rudaw.net. 2013. 14 Jan.
24. *Мосаки Н.З.* Курдистан и курдский вопрос в политике Запада и России (90-е годы XX века — начало XXI века) / *Ин-т востоковедения РАН, Ин-т Ближнего Востока*. М., 2011. С. 51.
25. *Лексютина Я.В.* Экономическая дипломатия Китая в XXI веке // *Проблемы Дальнего Востока*. 2015. № 2. С. 33.
26. *Al-Tamimi N.* China in Iraq: winning without a war. URL: <http://english.alarabiya.net/en/views/2013/03/16/China-in-Iraq-Winning-Without-a-War.html>, 16.03.2013.
27. *Антипов К.В.* КНР на Ближнем Востоке // *Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура*. 2012–2013. М., 2013. С. 341.
28. *Бергер Я.* Еще раз о китайской модели развития // *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. 2012. № 2. С. 120.
29. *Shichor Y.* China's Upsurge: Implications for the Middle East // *Israel Affairs*. 2006. Vol. 12, No. 4. P. 681.
30. См., например: Celal Talebanî û Newzîrwan Mistefayî li ser modela Çînê li hev kir: [Джалал Талабани [глава ПСК и президент Ирака] и Наушерван Мустафа [второй человек в ПСК, известный курдский интеллектуал] обсудили китайскую модель]. URL: http://www.nefel.com/articles/article_detail.asp?RubricNr=10&ArticleNr=3951#.VkjWXBhDIU. 2008. 16 дек. на курд. яз.; *Bîbanî Ş.* Kurdistan û Çîn: [Курдистан и Китай.]. URL: www.rudaw.net, 23.05.2012. на курд. яз.
31. *Бергер Я.* Китайская модель развития // *Мировая экономика и международные отношения*. 2009. № 9. С. 80.
32. *Gulf News*. 2005. 11 Apr.
33. Там же.
34. *Shichor Y.* China's Kurdish Policy // *China Brief*. 2006.
35. См., например: PetroChina to join giant Iraqi oilfield // *Reuters [BEIJING/MOSCOW]*. 2013. 12 Aug.

36. *Arango T., Krauss C.* China Is Reaping Biggest Benefits of Iraq Oil Boom // *New York Times*. 2013. 2 Jun. URL: http://www.nytimes.com/2013/06/03/world/middleeast/china-reaps-biggest-benefits-of-iraq-oil-boom.html?_r=0.
37. URL: <http://www.dqe-int.com/in-iraq/> [сайт компании].
38. Китайские граждане на территории Ирака находятся в безопасных районах — посол КНР. URL: <http://russian.cri.cn/841/2014/07/01/1s516561.htm>. 2014. 1 Jul.
39. URL: <https://www.addaxpetroleum.com/operations/middle-east> [Сайт компании Addax Petroleum].
40. Çînê serokê Kurdistanê ji bo seredaneka fermî vexwend: [Китай официально пригласил главу Курдистана] // *Kurdistan TV*. 2006. 5 Sep. URL: <http://www.kurdistantv.net/nivisek.asp?ser=10&ser=1&nnimre=603>. [курд. яз.]
41. Заместитель председателя ВК НПКСК Ван Ган встретился с гостями из Ирака. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/6512206.html>. 2008. 9 окт.
42. Çîn li gor şiyana xwe piştgiyaya N.Kurdistanê dike: [Китай поддерживает Регион Курдистан, исходя из своих интересов]. URL: <http://www.kurdshow.com/?sf=haber&haberid=14232&ktg=1570>. 2008. 19 июн. на курд. яз.
43. *Kurdish-Chinese relations to grow* // *Peyamner*. 2006. 2 Apr.
44. *Konsolxaneyaya Çînê li Herêma Kurdistanê tê vekirin*: [В Регионе Курдистан открывается консульство Китая]. URL: www.rudaw.net. 2013. 19 авг. на курд. яз.
45. *Kurdistan Region-Iraq News in brief*. URL: www.ekurd.com. 2013. 8 Jan.
46. *Konsulxaneyaya Çînê li Hewlêrê vedibe*: [В Эрбиле открывается консульство Китая]. URL: <http://rudaw.net/kurmanci/kurdistan/311220139>. 2013. 31 дек. на курд. яз.; *Çîn konsolxaneyaya xwe li Kurdistanê vedike*: [Китай открывает в Курдистане своё консульство]. URL: www.basnews.com. 2014. 2 янв. на курд. яз.
47. *Gelo dê Çîn piştgiyayê bide serxwebûna Kurdistanê?*: [Поддержит ли Китай независимость Курдистана]. URL: <http://rojev.hawarnet.net/2014/04/gelo-de-cin-pistgiyaye-bide-serxwebuna.html>. 2014. 22 апр.; *China to open consulate general in Kurdistan Region*. URL: www.basnews.com. 2014. 20 Apr.
48. *Peywendiyên Çîn û Kurdistanê pêş dikevin*: [Отношения Китая и Курдистана развиваются] // *Rojeva Kurd*, 2014. 13 нояб. URL: <http://www.rojevakurd.com/politik/17064-Peywendiyen-Kurdistan-dikevin.html#sthash.Ns71QPH9.vGIh8dFP.dpuf>. на курд. яз.
49. *Çînê jî amadehiya xwe ji bo Kurdistanê derbirî*: [Китай также решил действовать в Курдистане] // *Rojeva Kurd*. 18 сент. URL: <http://www.rojevakurd.com/politik/16777-amadehiya-xwe-Kurdistan-derbir.html#sthash.7q3nocyB.0jT79Pn4.dpuf>. на курд. яз.
50. *Çîn konsulxaneyaya xwe li Hewlêrê vedike*: [Китай открывает в Эрбиле свое консульство] // *Rojeva Kurd*. 2014. 18 сент. URL: <http://www.rojevakurd.com/cihan/16778-konsulxaneyaya-xwe-Hewlêr-vedike.html#sthash.pjUGCiXt.lavyzutO.dpuf>. на курд. яз.
51. *China's humanitarian aid items arrive at Iraqi Kurdish region*. URL: http://news.xinhuanet.com/english/china/2014-12/10/c_133843547_5.htm. 2014. 10 Dec.
52. *Le Sh. Interview: Iraq's Kurdistan wants further Chinese investment* // URL: http://news.xinhuanet.com/english/china/2014-12/12/c_133848815.htm. 2014. 12 Dec.
53. *Çînê jî konsolxaneyaya xwe li Hewlêrê vekir*: [И Китай открыл консульство в Эрбиле]. URL: www.basnews.com. 2014. 30 дек. на курд. яз.; *Merasima vekirina konsulxaneyaya Çînê li Hewlêrê*: [Церемония открытия консульства Китая в Эрбиле] // *Rojeva Kurd*. 2014. 30 дек. URL: <http://www.rojevakurd.com/cihan/17343-Merasima-vekirina-konsulxaneyaya-Hewlêr.html#sthash.vwTkyIBs.99orEBE1.dpuf>. на курд. яз.
54. См., например, о посещении генконсулом Китая Тан Банлина парламента Курдистана и встрече с его спикером Юсифом Мохаммедом: *Çîn bi çavekî mezin li Kurdistanê dinere*: [Китай с большим интересом смотрит на Курдистан]. URL: www.basnews.com. 2015. 10 июня. на курд. яз.
55. *Li Hewlêrê rêwresma roja nîştîmanî ya Çînê birêve çû*: [В Эрбиле прошёл день образования КНР]. URL: www.basnews.com. 2015. 1 окт. на курд. яз.
56. *'Bila kurd ferî çînî bibin'*: [«Пусть курды изучают китайский»]. URL: www.rudaw.net. 2015. 11 фев.
57. *Bouso R., Saul J, Sheppard D.* Iraqi Kurdistan oil heads to Asia, in talks with China // *Reuters*. 2014. 17 Sep.
58. См., например: Пекин вновь призвал уважать суверенитет и территориальную целостность Ирака // ИТАР-ТАСС. Пекин. 1996. 13 сент.

59. *Антипов К.В.* Ближневосточная политика Китая в контексте сирийского кризиса // История и современность. 2012. № 17. С. 216–217; *Антипов К. В.* События на арабском Востоке и позиция Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2011. № 6. С. 5.
60. Serok Barzanî li gel Nûner û Konsolê welatan li Hewlêrê civiya: [Президент Барзани провел встречу с представителями и консулами иностранных государств]. URL: <http://www.presidency.krd/kurdil/articledisplay.aspx?id=vu5m7GCMgsE> [сайт президента Курдистана]. 2016. 6 Jan.
61. Heart of Europe could be threatened after Palmyra falls to IS militants. URL: <http://en.people.cn/n/2015/0526/c90780-8897688.html>, 26.05.2015.
62. *Shichor Y.* China's Kurdish Policy // China Brief. 2006.
63. Информация агентства «Синхуа». См. по: China raises five-point proposal on advancing relations with Turkey, 26.06.2009. URL: <http://english.people.com.cn/90001/90776/90883/6686699.html>.
64. Телефонный разговор Ян Цзечи и главы МИД Турции. [Агентство «Синьхуа»]. URL: http://russian.news.cn/china/2009-07/14/c_1310911.htm, 14.07.2007.
65. Turkish reaction damages ties. 14.07.2009. 14 Jul. URL: <http://english.people.com.cn/90001/90776/90883/6700262.html>.
66. Информация агентства «Синхуа». См. по: China raises five-point proposal on advancing relations with Turkey. 2009. 26 Jun. URL: <http://english.people.com.cn/90001/90776/90883/6686699.html>.
67. Chinese citizens call for punishing Turkey. 2009. 14 Jul. URL: <http://english.people.com.cn/90001/90776/90883/6700422.html>.
68. China officially objects to incursion into Iraq // Today's Zaman. 2007. 30 Jun.
69. *Kardas S.* Указ. соч.
70. Religious Affairs Directorate builds stronger ties with Uyghurs // Today's Zaman. 2013. 10 Sep.
71. *Erol O.* 2012: A year of growth in Turkish-Chinese relations // Today's Zaman. 2012. 30 Dec.
72. *Казанин М.В.* О некоторых результатах визита президента Турции Р.Т.Эрдогана в КНР. URL: <http://www.iimes.ru/?p=25490>. 2015. 7 авг.
73. *Aydın B.* Senior Uighur leader dismayed over Erdoğan's 'terrorism' remarks in China // Today's Zaman. 2015. 5 Aug.
74. См., например: Turkey calls on China to release Uighur academic // Hürriyet Daily News. 2014. 26 Sep.; О современных турецко-китайских отношениях см. также: *Atlı A.* A View from Ankara: Turkey's Relations with China in a Changing Middle East // Mediterranean Quarterly. 2015. Vol. 26, №1. P. 117–136. doi: 10.1215/10474552-2873010.
75. *Özerli B.* Taiwan offers lucrative business opportunities for Turkish investors // Today's Zaman. 2013. 10 Sep.
76. *Shichor Y.* Ethno-Diplomacy: The Uyghur Hitch in Sino-Turkish Relations // East-West Center. Policy Studies 53. Singapore, 2009. P. xi, 32.
77. *Антипов К.В.* О некоторых аспектах эволюции ближневосточной политики Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2014. № 2. С. 27.
78. *Арсентьева И.* Ближневосточный вектор внешней политики КНР // Актуальные проблемы современных международных отношений. 2015. № 6. С. 36.
79. *Лазарев М.С.* Иракский Курдистан — прообраз курдского государства? // Азия и Африка сегодня. 2007. № 4. С. 47.
80. *Портяков В.* Контуры внешней политики лидеров Китайской Народной Республики пятого поколения // Проблемы Дальнего Востока. 2014. № 1. С. 19.